

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

ПРОВЕРКА ОГНЕМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Проверка огнем / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-226088-9

Весна 1944 года. Советские войска неуждержимо рвутся на запад. На реках Южный Буг и Днестр фашисты создали неприступный рубеж «Крепость фюрера» с главным узлом обороны в Одессе. Накануне наступления в расположение нашей части вышла юная подпольщица. Она сообщила сведения о немецких огневых точках и скрытых позициях. Но советское командование не спешит верить девушке. Капитану Глебу Шубину приказано проверить данные на месте. Вместе с партизанкой капитан переходит линию фронта. С этого момента для обоих смельчаков начинаются по-настоящему серьезные испытания...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-226088-9

ГЛАВА 1

Худенькая девочка в мокрой до нитки одежде дрожала даже в тепле натопленного штаба. И связистки, и офицеры работали в гимнастерках, никто не кутался в шаль или полушубок. А ее трясло так, что зубы выстукивали дробный ритм, а по телу то и дело проходили волны озноба, которые заставляли ее позвоночник неестественно изгибаться.

Но дрожащие узкие пальцы упрямо выводили на листке бумаги стрелки, штрихи, квадраты.

За страданиями своей визитерши наблюдал полковник Зубарев, который внимательно рассматривал необычную гостью. Кого только не бывало в штабе — бравые фронтовые офицеры с ранней сединой, трясущиеся от ужаса или холода пленные фашисты, смущенные

общением с командованием простые рядовые, приставленные к награде. Но такого он не видел уже давно — на войне женщин и детей встретишь редко, а сейчас перед ним сидела как раз девочка-подросток.

На вид обычный ребенок военного времени, лет двенадцати, истощенная, как и все дети, что столкнулись с тяготами многолетней беды — тяжелой взрослой работой, болезнями от холода и усталости, а самое страшное — вечным голодом. Мокрая одежда — куртка длиной почти до пят, юбка и множество намотанных платков — плотно облегла ее, сочилась влагой, которая стекала, образуя лужицу под стулом.

Две влажные косички, перемазанные грязью, двигались в такт движениям тонких пальцев и худенькому тельцу, которое сотрясал озноб.

Зубарев подвинул кружку с чаем поближе к девочке:

— Пока горячий, выпей, чтобы согреться. Тяжело же, руки вон ходуном ходят. — В голосе его звучало отеческое тепло.

Но девчонка только мотнула головой — нет, позже — и дальше продолжила свою работу. Она напоминала вымокшего под дождем

воробья — тощего и сжавшегося в комочек в отчаянной попытке сохранить последнюю крошечку тепла. Впрочем, взгляд у девочки был совсем по-взрослому сосредоточенным, и лицо казалось взрослым и суровым. Этот ребенок не боялся и не проявлял любопытства в незнакомом месте, а был сконцентрирован на чем-то важном, занимавшем все его существо.

Гостя, казалось, по несколько секунд смотрела куда-то внутрь себя, а потом принималась снова и снова делать на карте местности химическим карандашом пометки. В штабе, по ее просьбе, ей принесли и расстелили на столе большую карту местности. И теперь она вдумчиво и старательно наносила свои пометки на участке оккупированной территории вокруг Одессы.

Еще утром ее привез грузовик с дальнего поста, а перед этим в штаб прилетела молния: «Обнаружена на границе фронтов дежурным офицером девочка, называет себя одесской подпольщицей. Обладает секретной информацией о вражеской обороне. Направляем к вам для проверки фактов».

Странная визитерша сухо произнесла свои имя и фамилию и единственное, что попросила, — это карту и карандаш. На все предложе-

ния дать сухую одежду, еду она повторяла снова и снова, ровно и монотонно:

— Мне нужна карта Одессы и карандаш.

И вот теперь, уже третий час, она без остановки делала пометки, перенося на карту то, что хранила в памяти.

Наблюдая за девочкой, полковник вспомнил, кого напоминает ему ее напряженная поза за столом. Вот так же его дочка, семилетняя Маруся, сидела вечерами в кабинете отца за огромным столом и сосредоточенно, закусив губу, выписывала аккуратные буквы и цифры в своих школьных тетрадях, делая домашние задания, которые ей задавали в первом классе. А закончив, несла отцу на проверку. Тот отдыхал, растянувшись в кресле, и одним глазом тихонько любовался сдвинутыми белесыми бровками, аккуратными калачиками кос с тугими лентами. До чего же она забавная в своей серьезности, уже совсем взрослая, школьница! И в это время в груди полковника растекалось сладкое и теплое ощущение безграничной любви к дочери. Дочка клала ему на ладонь раскрытую тетрадку, а он, суровый командир полка, заместитель командира штаба, с восхищением рассматривал изящные буквы и цифры.

— Маруська, ну ты постаралась! Да за такой почерк, за такие крючки конфетами награждают! — Отец лез в ящик стола и выуживал оттуда ее любимое лакомство, карамель «Раковые шейки».

Дочка с радостным криком кидалась ему на шею:

— Папуля, родненький мой! Спасибо! Ты лучший в мире папка на свете! — И прижималась нежной щечкой к его щеке с колючей щетиной.

От щемящего трепета в груди из-за нахлынувших воспоминаний Зубареву вдруг стало невыносимо тоскливо и горько. Как же далеко теперь его доченька, и он не может позаботиться о ней — обнять, согреть, накормить, одарить своей любовью, уберечь от жуткого мира, наполненного смертью и войной.

Офицер кинулся к своей шинели, висящей на крючке рядом с дверью. Что же за скотина он, сухарь! Ребенок трясется от холода в мокрой одежде, а он рассматривает ее, копается в памяти, позабыв о всякой человечности.

Теплая шерсть шинели окутала трясущиеся в ознобе плечики, полковник предложил девочке снова:

— Давай-ка одежду сухую тебе велю принести и еще горячего чаю. А потом дорисуешь

план. Ведь трясешься вся, как заячий хвост, не ровен час — залихорадишь. У меня тут вот что имеется. — Он вытащил из ящика стола пакет с ванильными сухарями. — Подкрепишься, и работу будет делать легче.

Гостья не удержалась, бросила жадный взгляд на сверток, от которого плыл невероятный аромат ванили и изюма, но сглотнула слюну, нахмурилась:

— Нет, нельзя! Надо нарисовать все, что я помню. Пока не забыла! Я вытерплю!

Полковник, хотя был удивлен ее упорством, все же кивнул, соглашаясь, — хорошо, рисуй дальше.

В дверь постучали, и после приглашения войти в кабинет шагнул высокий, статный мужчина — капитан фронтовой разведки Глеб Шубин. Он был еще молодым, однако его старили седина в черных волосах и глубокие складки около губ и на лбу. По этим приметам сразу становилось понятно: этот человек многое видел и пережил в жутких, кровавых жерновах войны, был опытным фронтовиком, прошедшим горнило войны.

— Товарищ полковник, капитан Шубин по вашему приказанию прибыл. — Офицер шагнул внутрь тесного кабинета.

Военная выучка помогла ему сдерживать эмоции, хотя он испытывал любопытство — что за девчушка сидит за столом командира и разрисовывает карту. Опытный разведчик мгновенно оценил, как тщательно выписаны все пометки.

Зубарев кинул осторожный взгляд на девочку и потом, кивнув на дверь, предупредил гостью:

— Мы с капитаном ненадолго отойдем... на перекур... Ты глотни чайку, — предложил он.

Глеб Шубин, капитан фронтовой разведки, видел, что полковник, командир штаба, явно смущен своей ложью, но промолчал и не стал уточнять, что он не курит и никогда не курил. Сработала привычка к армейской дисциплине, коли говорит командир, что надо идти на перекур, то приказ должен быть выполнен. А еще интуиция, которая мгновенно дала ему понять, что предложение покурить — это лишь предлог для разговора тет-а-тет. А значит, речь пойдет как раз о необычной посетительнице командирского кабинета.

Николай Трофимович Зубарев за дверью кивнул ординарцу, и тот по одному движению понял, что от него требуется. Нырнул в кабинет — присмотреть за девочкой.

А полковник отошел подальше от двери, увлек за собой разведчика в дальний угол коридорчика. Там их никто не услышит. Основная штабная суeta была в узле связи и рядом со столом дежурного офицера. Там стучали сапоги, раздавался бесконечный гомон людских голосов, то и дело хлопала входная дверь.

Николай Трофимович, понизив голос, заговорил с разведчиком:

— Видел, пигалица сидит у меня за столом над картой?

Глеб кивнул, а его собеседник продолжил:

— По твоей части, поэтому и вызвали тебя в срочном порядке. Поговорить с ней надо бы и понять кое-что.

Полковник задумался на несколько секунд, пытаясь сформулировать, что же он хочет от вызванного срочным приказом разведчика. Ведь не пленный для допроса сидит в его кабинете, совсем другой случай — необычный, к которому не знаешь, как подступиться.

Зубарев начал с самого начала, объясняя, откуда взялась девочка в его кабинете:

— Ольгой зовут, на кордоне сегодня в пять утра задержали, доставили на грузовике три часа назад в штаб. Девочка говорит, что

она подпольщица из одесских катакомб, выжила одна после затопления шахты. Прошла через оккупированную территорию к линии фронта. У нее ценные сведения. Сейчас все, что знает, отмечает на карте, прорисовывает сведения о вражеской линии обороны... по памяти... — Полковник замялся. — Крепость фюрера, слышал о такой?

Капитан снова кивнул, по своей фронтовой привычке он был немногословен, а вот слушал всегда, наоборот, внимательно. И поэтому сразу обратил внимание на нотки неуверенности в голосе полковника и был с ним согласен. Действительно, слишком подозрительно то, что девчонка, еще ребенок, истощенный и измученный голодом, холодом, прошла десятки километров по распутице через германские заслоны и кордоны, сохраняя в своей голове план сложнейшей линии обороны Одессы. Такое и опытному военному не по плечу, а здесь ребенок.

Полковник тем временем принялся объяснять разведчику еще раз, что имеет в виду:

— Вокруг Южного Буга и Днестра сейчас сосредоточена гитлеровская коалиция из сил сразу двух армий — 6-го немецкого соединения «мстителей» и 3-й румынской ар-

мии группы «А». А в самой Одессе обустроен особо мощный узел защиты, который в Ставке Верховного главнокомандования вермахта называют «Крепость фюрера». Там четыре полосы обороны, заминированный передний край и оккупированные немцами берега заливов, разрушенные мосты и переправы через все водные преграды. Уже месяц, как гитлеровцы поспешно возводят рубеж за рубежом, чтобы остановить наступление нашей армии. Они проиграли битву за Сталинград и понимают, что проиграют снова, поэтому сейчас сменили тактику. Больше не показывают зубы, не кидаются первыми. Теперь Гитлер строит заслоны, крепости, где можно спрятаться от нас...

Николай Трофимович замолчал, собираясь с мыслями.

— Это те сведения, которые удалось получить с помощью разведки с воздуха, и они свидетельствовали, что противник намерен обороняться всеми силами, лишь бы не отдавать стратегически важную территорию — выход к морю и доступ к своим нефтебазам в Румынии, что хранили топливо для всей гитлеровской техники. Есть разрозненные данные, добытые фронтовой разведкой, подпольщика-

ми, но единой схемы и плана нет. У противника все меняется постоянно, да и сторожат они свои укрепления с особой тщательностью, так что подобраться толком не получается. Боятся нас, знают, на что русская смекалка способна.

Зубарев нахмурился: с одной стороны, отважная девчонка вызвала у него восхищение своим упорством и отеческую нежность; а с другой стороны, как опытный военный, он был вынужден сомневаться в правдивости ее рассказа.

Поэтому ему пришлось решиться на неприятный приказ:

— Вот что, капитан... Девочку сопроводите в кабинет к нашему особисту и вдвоем... кхм... — Полковнику не хотелось применять к этой малышке слово «допрос». — Поговорите с ней как следует, расспросите. Как дошла, давно ли в подполье. В общем... сами понимаете, что требуется сделать. Нужно устроить, так сказать, проверку. — Он никак не мог мягко сформулировать свои мысли. — А потом хочу услышать ваши выводы о полученной информации.

Капитан Шубин снова кивнул, уж он-то понимал, как никто другой, почему так смущен командир. Вдруг неожиданная визитерша совсем не подпольщица с секретными све-

дениями, и это лишь легенда, разработанная для того, чтобы проникнуть в штаб, вызвать доверие этой историей и потом сбить с толку наступление целой армии, дав неверные сведения. Как ни страшно думать о таком, но опыт научил обоих офицеров тому, что человек может оказаться завербованным абвером предателем, и его появление на советской стороне — лишь хитрая игра противника, которая должна спровоцировать и направить советские войска напрямик в ловушку. Отступающая армия Гитлера вдруг начала понимать, что ни мощи ее техники, ни жестокости ее личного состава не хватает, чтобы выдержать натиск советских войск. Поэтому теперь фашисты применяли множество хитростей, чтобы получить хоть какой-то перевес в многолетнем противостоянии: тщательно работал абвер, формируя активную массу из шпионов, перебежчиков, диверсантов и агитаторов. Немецкая разведка вербовала предателей из числа советских военнопленных, засылала своих агентов, организовывала одну провокацию за другой, применяя при этом пытки, угрозы, шантаж, подкуп.

Поэтому и решил полковник Зубарев отправиться на беседу с девочкой разведчика,

опытного в таких делах, а также энкавэдэшника, который как раз отвечал за выявление предателей и диверсантов из числа советских граждан. И в то же время не мог полковник не позаботиться о голодном и продрогшем маленьком человеке.

Потому, когда ординарец вышел из кабинета и прошептал Николаю Трофимовичу:

— Товарищ командир, все, дорисовала. Что дальше-то с ней делать? — полковник хлопотал:

— Так, дуй сейчас на склад, принеси ей какую-нибудь одежду сухую. Форму, что ли, возьми самого маленького размера, сообрази там что-нибудь с каптером. Обед принес, как я тебе велел? Хлеба побольше, сахару, выписал на меня?

Ординарец кинулся к котелку и огромному куску хлеба, что стояли на подоконнике:

— Все, как приказали, товарищ командир. Даже теплое еще! Вот только на кухне сахару не было, пряник я нашел у себя в запасах.

Зубарев подхватил котелок, кинул разведчику:

— Подожди с разговорами, пускай девчонка поест. Ведь там душа непонятно на чем держится. Жди полчаса, — сказал полковник и сам отнес в кабинет обед.

Там он выставил перед дрожащей девочкой еду:

— Ну все, давай не стесняйся, вот ложка тебе. Ты ешь, я смотреть не буду. Сколько хочешь ешь, это тебе все. Одежду сейчас принесут сухую, а твою в стирку. Потом... с разведчиком поговоришь с нашим... это все по его части. Давай, поешь, обед по расписанию, как говорится.

Его визитерша кивнула и медленно принялась за еду, тщательно разжевывая каждый кусочек. Она и правда стеснялась того, что руки ее совсем не слушаются, то и дело проливая драгоценные капли бульона на стол. Поэтому почти уткнулась лицом в тарелку, стараясь удержать животное желание есть быстро, жадно, запихать в себя такую вкусную еду!

Полковник Зубарев тем временем забрал разрисованную ею схему и вынес ее в коридор. Там его ждал капитан Шубин. Зубарев передал драгоценный документ из рук в руки:

— Вот, держи, отнеси к особисту, изучайте. Третья дверь направо, и через полчаса жду вас у себя в кабинете. Она... — Полковник опять смутился того, что проявляет излиш-

нюю заботу о девочке. — Пообедает да в сухое переоденется, а то совсем измученная. — Он снова не удержался от вздоха. — Одни глаза, в чем только душа держится. Пускай силенок наберется немного, разговор, я так понимаю, долгий будет. — Зубарев покачал головой и сник, будто какая-то тяжесть навалилась на плечи, и скрылся снова за дверью кабинета.

Его голос загудел из глубины кабинета опять ласково, с теплыми нотками:

— Ты чего ж так мало поела? Ну воробей же клюет больше. Давай-ка ешь хлеб, а потом пряник с чаем.

— Нельзя много есть после голодовки, — серьезно отозвалась девочка. — Иначе заворот кишок случится. Можно по чуть-чуть и только жидкую пищу. Я вот чай пью, не переживайте.

— А сахар-то клади, хоть три куска клади, не стесняйся. — Полковник положил на треснутое блюдце рядом с ней горсть запыленных кусочков сахара, хранившихся в ящике стола на время ночных бдений. — Вот сухари бери, размачивай в чае и потихоньку ешь. Держи, все тебе, забирай. — Николай Трофимович засуетился, нашел кусок газеты и принялся заворачивать в него гостинцы.

Он приговаривал, стараясь скрыть острую жалость к этим узким, как ветки, запястьям, заляпанному грязью острому личику. А она, жалость эта, душила изнутри, выжигала все в груди, и он все повторял, чтобы хоть как-то проявить свое внимание:

— Чай пей, пей! Как выпьешь, сразу свежий принесу. Чай — это хорошо. — От несвоевременной и непонятно пока, оправданной ли жалости Зубарев говорил и говорил: — Я вот и сам за день по десять кружек, бывает, выпиваю.

Ординарец показался в дверях, неся стопку военной формы самого маленького размера, что нашлась на складе.

Полковник перехватил вещи и протянул девочке:

— Ты вот, держи, переодевайся в сухое. Большое все, конечно, но ничего, потом подошьем. Главное-то сейчас, чтобы не заболела. От сырой одежды столько болезней, особенно если ноги в сырости да в холоде.

Но гостья вдруг замотала головой:

— Нет, не надо одежду. Я... мне...

Зубарев отмахнулся:

— Да ты что, в сухое надо переодеться! Заболеешь ведь. Я выйду, выйду, не стесняйся ты. Кликнешь, когда можно будет заходить.

Вдруг у девочки выступили красные пятна от стеснения и заблестели глаза от подступающих слез. Она с трудом выдавила:

— Я не могу, нельзя мне... чистое... из-за вшей. Я летом мылась прошлым... негде было и... не до того... Простите.

И вдруг больше она уже не смогла удержаться и бурно расплакалась. Оттого, что было ей стыдно за свой неприглядный вид — грязная, опаршивевшая, в жутких обносках, под которыми было изможденное тело, кожа в струпьях и насекомые. А еще внутри у нее все сжималось тугой пружиной, потому что она, как дикий зверек, сразу почуяла ту настороженность, с которой ее встретили в штабе.

И хлынули слезы, когда после бесконечной жуткой дороги через смерть, через дикую усталость и бессилие она наконец оказалась в тепле и безопасности, где можно было выдохнуть, расслабиться хоть немного. Ведь Ольга не помнила даже, когда спала последний раз за долгий переход по оккупированной фашистами территории до расположения советских частей. Все, что позволяла она себе за эти дни, — прилечь на голую землю и закрыть глаза на несколько минут, чтобы потом усилением воли вернуться из зыбкого сна в реальность.

От потока слез и горьких всхлипов полковник Зубарев не выдержал, больше не мог он быть строгим военным, что недоверчиво смотрит на возможного диверсанта.

Мужчина кинулся к плачущей девочке, обнял ее и зашептал, глядя по спутанным волосам:

— Поплачь, поплачь, не стесняйся, полегче станет. Можно уже, дома ты, у своих. Никто тебя не тронет, не бойся, моя хорошая. Советская земля. И дальше только лучше будет. И вшей вытравим, одежду справим, еды сколько тебе надо, закончилось все плохое.

Он приговаривал, утешал ее, а сам задирал все выше подбородок, чтобы скупые мужские слезы, которые текли у него по лицу и запутывались в колючей щетине, не капнули на тонкую шею.

Девочка постепенно затихла в его объятиях, задышала вдруг ровно и глубоко. Зубарев покосился вбок и понял внезапно, что та уснула у него на плече. От тепла и сытости отключилась в одно мгновение, растеряв последние силенки на слезы.

Николай Трофимович застыл в неудобной позе, не решаясь нарушить ее покой, — он стоял на полусогнутых ногах у стула, а на